РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Василий Васильевич Киселев— заслуженный деятель искусств РСФСР, режиссер— окончил в 1948 году Южно-Енисейскую среднюю школу, которой в этом году исполнилось 60 лет. Он горячий патриот нашей «золотой тайги», где прошли его детские и юношеские годы.

Сейчас он живет в Севастополе. Недавно получил я от него письмо-воспоминания. Прочитав, понял, что такие воспоминания должны быть адресованы не только мне. Принес их в «Ангарский рабочий». Надеюсь, что автор простит мне такой поступок.

В. АНОНЕН,
лектор-экскурсовод краеведческого музея
заслуженный учитель школы РСФСР.

ОТЧИЕ МЕСТА

1935 ГОД. Ехали зимой в санной кибитке, как настоящие цыгане. Путь не близкий, не меньше шестисот километров от Канска. На заснеженном, замороженном пространстве редкие деревеньки. Папа (в дохе) погоняет лошадь, мы (мама с годовалым братом, сестра, я), завернутые шубами, под тентом дремлем в плавно покачивающихся санях. Самые приятные моменты— подъезд к очередному, долгожданному селу: вдали слабые одиночные огоньки, приглушенный лай собак. Эти звуки, случайно услышанные, волнуют меня и сейчас. Очередная остановка— это значит и стоящее тепло, горячий чай, «подбеленный» кусками замерзшего молока, и сон на тех же шубах, но во всю длину ног и тела. Уморенный блаженствующий на нарах ночлежник почти не ощущаешь злых укусов изголодавшихся клопов. С рассветом дальше и дальше на север, в тайгу...

ПРИИСК Южно-Енисейск был расположен в 90 километрах на север от реки Ангары (с. Мотыгино). Шоссейная дорога к нему идет по «синусоиде»: то опускаясь, то поднимаясь по не очень высоким горам. Сколько раз мне приходилось преодолевать этот путь в разные годы и в разных «качествах»: пацаном, курсантом, морским офицером, театральным режиссером.

Дорога пересекает таежную глухомань, полную мошкары и комаров. Стоит автобусу остановиться, стоит приоткрыть для проветривания окно —он мгновенно заполняется тучами гнуса. Но автобусы— техника последних лет, а в 30—40-е годы ходили по этой дороге только грузовые машины. Трясется люд в открытом кузове на досках, поставленных вдоль могилы бабушки, сестрички, мамы, папы. Ушедшие, спрятанные в глубь земли, они теперь как твои корни— не оборвать, не вырвать ничем и никому!

с одной стороны окаймленный стеной елей, сосен, с другой (далеко внизу) бежит ручей, быстрый, веселый, прозрачный, в окружении полян, старых заросших отвалов. На окраине ската, у стены хвойного леса— пионерлагерь, где мне посчастливилось бывать не один раз. Возможно, мне удастся и об этом подробнее рассказать при повествовании о пионерских, школьных годах. А сейчас, как говорится, поехали дальше.

Спуск с поляны Петропавловска крутой, и почти сразу же такой, но более затяжной, подъем наверх и вперед! Впереди осталось немного...

Вот уже и последний, самый длинный, пологий спуск мимо «кирпичного «завода» слева. «Завод»—конечно, громко сказано. Простое, барачное сооружение, и плохо помнится, когда он работал. Но на расстоянии видны разбросанные по земле красноватые кирпичи. Машина, словно чуя приближение конечного пункта, радостно мчится по ровной части дороги мимо отвалов, разрезов с голубоватой гладью.

...ВОТ и самый большой деревянный мост, построенный, как видно, по науке: с высокими стропилочными надстройками. С этого момента у меня всегда начинается легкая дрожь волнения. В мозгу начинается мельтешение, даже некоторое отупение. Дважды фотографировал этот мост, и никогда ничего не получалось— что-то не то нажимал у фотоаппарата. Под мостом гулко бурлит

нулся приск Южно-Енисейск.

...Шоссе сворачивает круто вправо и вниз. Слева остаются поликлиника, больница, почти скрытая стройными, развесистыми соснами. Еще дальше— кладбище, но нам туда «пока не надо», как пел бард-классик.

Последняя «стометровка»: мимо складов техснаба, ЦММ (центральной мехмастерской, где долгие годы до самой смерти трудился отец), через большой деревянный мост к пологому подъему в центр приска. Пора готовиться к высадке... Последние метры: мимо «центрального» магазина, к «центральной» столовой—главному «пятачку» приска. Приехали!...

НЕ РАЗ приходилось слышать: «Ну, что за стенания, вздохи по «малой Родине»? Вот и известный поэт, сценарист Геннадий Шпаликов почти о том же:

По несчастью или к счастью
Истина проста—
Никогда не возвращайся
В прежние места.

Строки эти я прочитал давно, сразу возникло несогласие с автором, но ответ ему, свое выношенное по этому поводу родилось совершенно случайно в электричке Севастополь— Симферополь, когда в 1986 году ехал на Родину, в Сибирь. Вот что получилось:

По несчастью или к счастью
Истина проста—
Никогда не забывайте
Отчие места.
Дом, который притулился
Окнами к горе,

Первый момент появления на прииске Гадаловском совершенно не остался в памяти. Полный «отруб», как бы сейчас сказали. Почему прибыли сюда, а не в другое место? Можно ведь было остановиться в Мотыгино, Раздолинске. Или проехать до Леоновска, где уже бывали? Теперь уже не спросишь у папы, мамы. Можно только предположить. А предположить можно одно: прииск Гадаловск, названный в честь его дореволюционного хозяина, купца, предпринимателя, красноярца Гадалова, был центром района (отсюда его переименовали позже в Центральный). Мотыгино в то время было деревней, со всеми ее приметами. А у отца, видимо, было сильное желание расстаться с этим патриархальным миром, от которого он бежал из Макарово. Все его существо тянулось к чему-то другому, более городскому, цивилизованному. Собственно в тридцатые годы шел массовый исход из деревень в город. А золотые прииски по сравнению с деревнями уже тогда отличались признаками полугородской жизни.

и поперек бортов, летом коптится до неузнаваемости пылью, зимой— промерзая до самых костей на сквозном ветерке.

Во время войны (бензин—фронту) машины двигались системой «газогенерации», а попросту, у кабинки ставились железные баки, где горели деревянные чурбашки— коротко нарезанные, наколотые поленья, дающие тепло и газ. На всю дорогу не хватало заправки. Тогда машины останавливались у поленниц этих самых чурбашек, и начиналась погрузка, заправка баков.

На пути лишь одно солидное селение— поселок Раздолинск. Значит, если едешь от Мотыгино, преодолена одна треть пути. Сколько раз ни проезжаешь этот поселок, каждый раз замечаешь — растет! Растет число домов и бараков, на правой стороне от шоссе, в паре километров, строятся большие производственные помещения: в Раздолинске добывают сурьму. Машина здесь стоит недолго, шофер наскоро перекусывает в столовой, стоящей слева на взгорке. Пассажиры с м и р е н н о сидят,

впервые пересекаемый дорогой Удерей, не очень широкая желтого цвета (замутненная дражными переработками глины) река, спешащая к Южно-Енисейску. Кто быстрей?! Осталось всего ничего..,

Еще один— небольшой подъем от моста. Справа. внизу—пустырь бывшего поселочка— Верхне-Александровского. До прибытия на Гадаловск мы на краткое время останавливались здесь. Очевидно, у каких-то дальних родственников или просто односельчан...

...ПОСЛЕДНИЙ небольшой подъем. Ощущение такое, словно ты на самолете пробегаешь стартовый участок перед подъемом в небо! Машина взлетает на последний взгорок и... панорама прииска. Сколько бы раз я не «взлетал», всякий раз при виде внезапно открывшейся панорамы перехватывает дыхание! Иногда и во сне то же самое происходит...

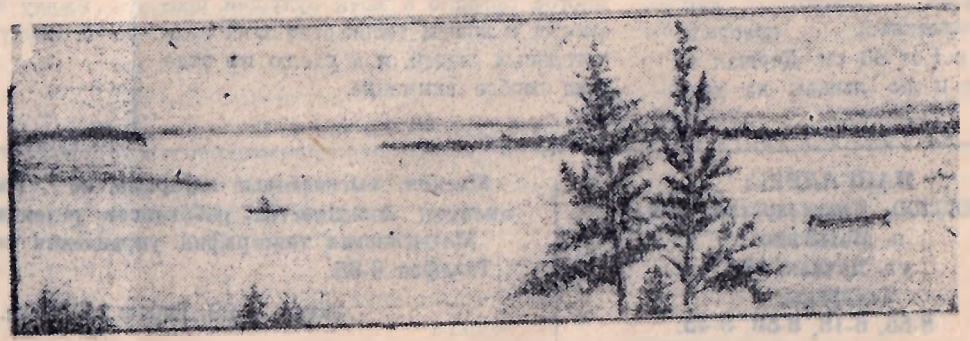
До окончательной остановки километра два-три. Мы едем по плоской части горы, приближаясь к «больничному»— окраине прииска, разделенной от основной ее части широкой поймой с разлившимся вширь

что Зеленою зовется
В той родной тайге.
Лог, спустившийся к порогу,
Где зимой лыжня,
И малину на Горелой
В солнцепеке дня.
Тропку над скалой Высокой,
А внизу реки,
В зелени поляны Мозольной,
Яркие жарки.
Звук далекого баяна
В гулкой тишине.
Что несется с танцплощадки
Ночью при луне.
Замер прииск в тоске глубокой,
Даже Удерей
Приумолк и прояснился
В желтизне своей.
Звук летит, летит над прииском
В темной вышине.
Опускается в «Больничном»
Жестком сосняке.
Заросли могилы предков,
Сиротлив погост.
Одиноко накренился
Почерневший крест.
По несчастью или к счастью
Не дано понять—
Почему ты старше ныне,
Чем отец и мать?

Поселок Раздолинск только еще начинал строиться, а Гадаловск уже бурлил полнотой новой жизни.

Южно-Енисейск (так приск стал называться, кажется, с военных пор). В этом слове слишком многое заключено для меня, как и для сестер и брата. Немало пришлось повидать от Балтики до Тихого океана, от Баренцева моря до Черного, но нет дороже этого таежного места. Видимо, по главной причине: там прошли детство, юность. А позже и по другой: там ждут, да и мало у кого есть деньги на подшитку. К тому же через два часа будем дома. Проезжаешь за околицей Раздольного небольшой мосток и— дальше по «горам и весям».

ПОСЛЕ большого пролета— поселок Петропавловский, всего несколько домов. Это значит (точно)—до Южно-Енисейска осталось ровно 16 километров. Поселок этот, ныне исчезнувший, стоит на замечательном месте: скат огромной зеленой поляны, Удереем. За ним три мощные, округлые горы, переходящие одна в другую, в отсветах заходящего солнца, отливающие зеленью леса. Правая гора так и называется — «Зеленая». А соседка («двугорбая»)— «Горелая», она чуть пониже. (В начале 30-х годов она обгорела, но через несколько лет вновь покрылась густой порослью сосны, ольхи). Сегодня она уже сравнялась рослым лесом с «Зеленой». На террасе меж ду подножием гор и Удереем протя-



Чем отец и мать?
Где тот срок окончить песню?
На каком витке?
А баян все плачет, плачет
Где-то вдалеке.
Возвращает память детство,
Видно, неспроста.
Потому не забывайте
Отчие места!

...ИТАК, мы всем семейством по прииске. Видимо, из опыта дяди Вани устроился папа конюхом в милиции. В ЦММ сразу попасть не мог, так как там уже была незнакомая ему, кузнецу, техника— паровой молот. Конюшня была заплатой за новое место, тем более, что нам дали там же, на конюшне, небольшую комнатенку. Милицейская конюшня была выстроена добротно, с хорошим двором. Отец исправно трудился: уход за лошадьми был для него с малолетства привычным делом. Да и лошадей в его веденьи было не так уж много—голов пять— шесть не больше.

(Окончание на 4-й стр.).

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

(Окончание. Начало на 3-й стр.).

Была среди них наша общая любимица — красивая кобыла Катька. О ней брат написал (напечатал в газете «Красноярский рабочий») теплый, драматический рассказ.

Рядом с конюшней стоял служебный милицейский барак (он и сейчас там стоит) и небольшой дом с высоким крыльцом — «Красный уголок», где иногда показывали фильмы, концерты самодеятельности, на столах лежали большие журналы с красочными иллюстрациями из истории РККА. Я никогда до сих пор не видел ничего подобного.

С восхищением разглядывал рисунки бойцов в буденновках, длинных кавалерийских шинелях с красными грудными полосами, от них веяло романтикой боев, побед Красной Армии.

Здесь же я впервые услышал, запавшие в душу на всю жизнь стихи из поэмы К. Симонова «Сын артиллериста»:

Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла! —
Такая уж поговорка
У майора была.

Милицейское начальство решило дополнительно построить новое служебное помещение, чуть ниже прежнего. Но оно вскоре сгорело. Зимой, ночью. Испугались — как бы и нас не прихватило — конюшня совсем рядом, но пронесло. Здание сгорело мгновенно (деревянное!), пожарники не смогли погасить. Я ничего плохого не хочу сказать в адрес наших пожарных. «Пожарка» до войны была гордостью приска. Образцово-показательное подразделение! Своих машин у приска не было, единственная «эмка» возила начальника приска. Пожарная «единица» (их было две) состояла из большой бочки с водой на телеге, запряженной тройкой лошадей. Но каких! Откормленных, лоснящихся, чуть ли не вылизанных ежедневным, тщательным уходом.

Раз в месяц совершались выездные учения. Для приска (особенно для ребятни) это был настоящий спектакль. Открывались, как занавес в театре, широкие ворота пожарки, откуда не спеша вытанцовывала тройка. «Пристяжные» откидывали свои головы: одна — влево, другая — вправо. «Коренник», вскинув горделиво голову, гарцевал почти на месте

говорили — «игра на льду с мячом»). Клюшки делали сами, вырезали из березовых «загогулин». Замечательная эта игра, особенно вечером под падающими снежинками, освещенными фонарями с угловых столбов катка. Обилие снега способствовало и другим играм.

Например, борьба за верх «сопки» (сугроба). Возникла она у нас после фильма «Волочаевские дни». Там был яркий эпизод: защита партизанами сопки от вражеских самураев. Фильм «Мы — из Кронштадта» подсказал такую игру: забирались на крышу сараев и устраивали «расстрел друг друга» — падали, как моряки с обрыва в снежные сугробы. В «Чапаеве» поразил нас эпизод кавалерийской атаки на каппелевцев. Уходили куда-нибудь на поляну, с пригорком, снимали пиджаки, накидывали их на плечи (как бурка у Чапаева), садились верхом на прутик, в руках самодельная сабля и с победным воплем «вылетали» из-за бугра, беспощадно рубя траву, лопухи.

Воздействие фильмов было сильнейшее, вера в происходящее — полнейшая! Поэтому, когда кто-то, рассказывая о фильме «Арсений», посвятил меня в «секреты» съемок, что, мол, с моста не человека сбрасывали, а «куклу», для меня это было потрясение. Никак не хотелось разрушать иллюзию «всамделишности» кино. Зрительская непосредственность того времени была не только у нас, детей, но и в такой же степени у взрослых. Особенно у недавно появившихся из деревень.

СЛЕДУЕТ подробно рассказать о «Центральном» стадионе предвоенной поры — главном месте всей общественно-спортивной жизни поселка. Находился он не очень далеко от нас, в пойме Удерея. После войны стадион перенесли к речке Холмы, в долину, где многие годы размещались огороды подсобного сельского хозяйства. И как-то на новом месте он захирел, не прижился. Все финальные спортивные состязания района проводились на нашем «Центральном» (футбол, волейбол, бег, прыжки, метание диска, гранаты, игра в городки). Увлечение футболом (особенно после фильма «Вратарь») захватило всю страну, не только нас. Главный герой Антон Кандинов был образцом для подражания подростковым вратарям.

ней дистанции, дальше всех бросал копье, диск. Одним словом, талантливый спортсмен, многоборец по нынешней терминологии. Вернулся он с войны с раненой ногой, прихрамывал. Однако спорт не оставил, играл в волейбол.

Трудно сравнивать уровень мастерства футболистов того и нынешнего времени. Но тогда футбол был активным, наступательным, красивым и мужественным. Некоторые проделывали чуть ли не акробатические приемы. Аршинин Иван Гаврилович — учитель физкультуры — играя в защите, брал высокий мяч не головой, а бросался в «стойку» на руки и бил пяткой под бурные аплодисменты восторженных зрителей. Неприятно смотреть сейчас на игроков, забивших мяч в ворота. Они истерично ликуют, словно забили свой первый мяч в жизни, падают на колени, живот, прыгают в туземском восторге. Дешевая игра на публику, самореклама. А тогда!.. Тогда сдержанность, мужественность, благородство к противнику были нормами спортивного поведения. После забитого мяча футболист вел себя так, как будто ничего особенного не произошло. Спокойно, даже подчеркнуто спокойно, с достоинством возвращался на свою сторону поля.

Не менее ожидаемое на стадионе появление духового оркестра! Играл он перед началом матча, во время соревнований, в антракте и финале. Мы, ребятня, стремились находиться поближе к нему, а некоторым счастливчикам, кто-нибудь из музыкантов, оставив себе мундштук, разрешал отнести трубу в клуб. Идешь, несешь трубу, как царскую корону, и, кажется, что все смотрят на тебя, счастливца. Можешь даже позволить себе извлечь из трубы без мундштука какой-нибудь хрюкающий звук. Не мог и думать тогда, что через пяток лет я буду играть в духовом оркестре, причем, на главной трубе.

Без преувеличения — весь поселок собирался в эти часы на «Центральном» стадионе! Музыка, солнце, веселые лица, скромные нарядные одежды. С лотков столов продают недорогие лакомства. Никаких пьяных. Праздник!

А ПОСЛЕ взрослых на том же поле — наш футбол. Играем до устали, пока мяч виден, до полной темноты.

дя команду рвануть вперед. Пожарные блистали медными касками. Звенели колокольчики под дугами всех лошадей, разнося тревожно-торжественно-праздничное событие!

Раздавался какой-то звук (как выстрел!), и тройка срывалась, как олимпийский спринтер, почти мгновенно исчезая из видимости за облаком пыли. Пацаны с гиком мчались вслед, ориентируясь на слух по трезвону колокольцев и цоканью копыт. Незабываемое зрелище по тем временам!

НО ГЛАВНОЕ место нашей ребячьей жизни— спортивная площадка здесь же, рядом с милицией. Летом на ней —игра в футбол с мячом, скатанным из лошадиной шерсти, а то и просто из тряпок. Зимой на площадке— каток. Играли в хоккей (тогда этого термина еще не было,

Наша команда неизменно выигрывала. Были общие и личные «любимчики» – спортсмены, особенно футболисты. Нашим кумиром был Михаил Перевозчиков, приезжавший со службы в отпуск в офицерской форме (погиб на фронте, кажется, удостоен Героя Советского Союза). Мы, ребятня, ходили за ним, как утята за уткой. Ему неизменно поручали роль центрального нападающего. Играл он стремительно, точно, красиво. Да и сам был красив. Ворота защищал не менее боготворимый нами Ганя Владимиров, рослый, многосторонне развитый. Он в прыжках в высоту всегда ставил рекорды, помню, как он, единственный, преодолевал планку в 1 м 80 см. Держал он первое место и по лыжам на дальний нападающий. Играл успешно. Доказательством тому— мое участие в сборной школы (также и в волейболе). А еще в 6 классе старшеклассники (9-й класс) вызвали нас на «равных» померяться силами.

Спортивный праздник вечером продолжался в клубе, на танцплощадке. Не менее любимые и посещаемые места, чем стадион. В клубе показывали фильм, либо спектакль художественной самодеятельности, возглавляемой профессиональными актерами, супругами Н. М. Сперанской и Д. Н. Свидерским.

Тут я сделаю остановку, слишком многое сыграло в моей будущей профессии и жизни творчество этих замечательных людей, и я уделю им отдельно особое внимание.